

А.С. Поршнева

БАВАРИЯ ЛИОНА ФЕЙХТВАНГЕРА: РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В РОМАНЕ «УСПЕХ»

Статья посвящена баварской идентичности в романе Л. Фейхтвангера «Успех». Баварская идентичность анализируется в соответствии с четырехкомпонентной структурой региональной идентичности (когнитивная, ценностная, эмоциональная, регулятивная составляющие). Основные компоненты баварской идентичности – консерватизм, ксенофобия, избыточная телесность, ориентация на эмоции вместо разума. Выявляется взаимосвязь идеологии и практики «истинных германцев» (национал-социалистов) с баварской идентичностью.

Ключевые слова: Лион Фейхтвангер, «Успех», Бавария, травма Баварии, «истинные германцы», региональная идентичность.

Роман Лиона Фейхтвангера (1884–1958) «Успех» создавался в 1927–1930 гг., после переезда писателя из Мюнхена, баварской столицы, в Берлин. Несмотря на то, что «человеку, а еще больше писателю Лиону Фейхтвангеру его родной город причиняет сильную боль» [1. S. 197], переезд в Берлин дается Фейхтвангером, по свидетельству Марты, тяжело [Ibid.]. Сложные отношения автора с Баварией, в которой он прожил 41 год, требуют осмысления и художественной обработки; в том числе поэтому выбор между «Успехом» и «Иудейской войной» делается в 1927 г. в пользу «Успеха» [Ibid. S. 205] – работа над первым романом трилогии «Иосиф Флавий» начинается только после завершения романа «Успех» (1927–1933). «Успех» представляет собой травматический нарратив, в котором прорабатывается травма Баварии.

Роман отличается многослойностью и «полиперспективностью»¹ [2. S. 30]; однако его многообразные конфликты восходят в основ-

¹ Здесь и далее при цитировании оригинальных немецкоязычных текстов перевод наш. – А.П.

ном к двум: противостоянию баварцев и не-баварцев и противостоянию «истинных германцев» (в образе которых выведены национал-социалисты) и цивилизованного мира. В настоящей статье нас интересует связь этих конфликтов с идентичностью баварцев. Причем анализ идентичности мы осуществляем не с точки зрения тех процессов, которые происходили в 1920-е гг. в реальной Баварии, а с точки зрения углубления понимания Баварии как «коллективного героя» [2. С. 31] романа «Успех».

Проблематика, связанная с идентичностью, разрабатывается прежде всего в рамках социологии, социальной философии и смежных дисциплин, вследствие чего для изучения баварской идентичности в том виде, в каком она зафиксирована в романе «Успех», необходимо привлечение соответствующего понятийного аппарата. Под идентичностью понимается «субъективное определение человеком собственной системы принадлежностей, своего рода якорей» [3. С. 27], «в основе идентичности как таковой лежит идентификация себя с той или иной группой, принадлежности к чему-то большому и отличному от самого человека» [4. С. 64], за счет чего идентичность образует «социально-психологическую опору человека» [3. С. 37]. С точки зрения психоанализа «психосоциальная идентичность необходима как якорь в быстротечном существовании человека “здесь и теперь”» [5. С. 51].

В рамках классификации идентичностей – «групповых», в терминологии Э. Эриксона [5. С. 56, 58], – обычно выделяются следующие их виды: локальная / городская, национальная / этническая, территориально-географическая / региональная и гражданско-политическая (см.: [3. С. 30; 6. С. 623; 7. С. 79 и др.]). Баварскую идентичность в рамках этой типологии следует рассматривать в двух аспектах:

1. Во-первых, это идентичность **этническая**. Несмотря на то, что еще до рождения Лиона Фейхтвангера в 1871 г. Бавария вошла в состав Немецкого рейха, ее жители не были и не чувствовали себя немцами. Исторически бавары (Bajuwaren) – это германское племя, образовавшееся из «самых различных элементов населения» в IV–VI вв. н.э. [8. С. 44]. Как баварцы времен Фейхтвангера, так и современные баварцы говорят на баварском, который считается диалектом немецкого языка, но от литературного языка – Hochdeutsch – очень сильно отличается.

2. Во-вторых, это идентичность **региональная**. После объединения Германии Бисмарком в 1871 г. Бавария «больше не была суверенным государством и передала существенную часть своих прав новому объединенному немецкому государству» [8. С. 427] – Второму Немецкому рейху, главой которого являлся король Пруссии [Ibid.]. Хотя Бавария, по договоренности с Бисмарком, и сохранила «особые права» [Ibid.], период ее существования в составе Второго рейха, а затем Веймарской республики в статусе региона (земли) был временем более или менее напряженного противостояния с центром, который в сознании баварцев во многом отождествлялся с Пруссией. Антипруссские и, соответственно, партикуляристские настроения, которые никогда не исчезали полностью, в определенные – как правило, кризисные – периоды усиливались; это произошло, например, во время Первой мировой войны [Ibid. С. 458–459, 480]. При этом административно-территориальное деление и Второго рейха, и Веймарской республики закрепляло исторически сложившиеся границы Баварии – а в таких случаях регион образует не только географическую и политическую, но и культурную реальность с выраженным региональным самосознанием (см.: [9. С. 18]).

А.В. Шишигин на материале российских регионов делает следующее наблюдение: «В национальных республиках (Татарстан, Башкортостан и т.д.)... у представителей... титульной национальности региональная идентичность начинает сливаться с этнонациональной, усиливая ее» [6. С. 623]. Именно это происходит и в случае с баварской идентичностью, которая включает в себя ощущение своей принадлежности и к баварцам, и к земле Бавария.

Тем не менее анализировать баварскую идентичность в романе «Успех» мы будем как идентичность не этнонациональную, а **региональную**. Это обусловлено тем, что баварцы не включены в роман Фейхтвангера в систему этнических противопоставлений. Изображенное в нем противостояние баварских и центральных властей связано не с этнической оппозицией баварцы / пруссаки, а с конфликтом интересов земли, противопоставившей себя остальной Германии, и берлинского правительства, при этом региональный интерес тесно связан именно с региональной [10. С. 19], но не с этнической идентичностью. Кроме того, в романе не играют никакой роли и не становятся предметом изображения нетитульные нации, проживавшие

на территории Баварии (за исключением евреев – Гейера и Левенмауля; но и в этом случае акцент на этническом противостоянии не делается): швабы (Schwaben), франконцы (Franken), жители Пфальца (Pfälzer) [8. S. 358]. Чувство общности с Баварией у героев Фейхтвангера связано прежде всего не с этнической принадлежностью к баварам (хотя и этот момент важен): баварец – это в первую очередь тот, кто проживает на территории Баварии, кто разделяет ценности, присущие баварскому социуму, и соблюдает принятые в нем нормы поведения. В этом смысле показателен такой герой, как инженер «Баварских автомобильных заводов» Каспар Прекль: будучи этническим баварцем, уроженцем и жителем Мюнхена, он тем не менее воспринимается героями-баварцами как «чужак». Прекль – скептический критик происходящего и к тому же коммунист (его прототипом стал Брехт [1. S. 173; 11. S. 169; 12. S. 14; 13. S. 42; 14. S. 9]); в смысле телесного образа он принадлежит, в отличие от «широких» баварцев, к «узкому» соматическому типу (см.: [15]). И внешний вид Прекля, и его убеждения и ценности, и образ жизни не вписываются в баварские социальные нормы – и этническая принадлежность к баварскому народу никак не способствует тому, чтобы он ощущал выраженную принадлежность к баварскому миру, поскольку солидарности с Баварией как с региональным сообществом у него нет.

Региональная идентичность определяется как «переживаемые и осознаваемые смыслы и ценности той или иной системы локальной общности, формирующие “практическое чувство” (самосознание) территориальной принадлежности индивида и группы» [10. С. 18]; она является «форматирующим признаком региона как субкультурного локуса» [9. С. 16]. Региональная идентичность – как и любая социальная идентичность – «конструируется как сопоставление по принципу “мы – они”» [Там же] и, «помимо когнитивного компонента (понимание человеком себя в терминах соотношения с определенной социальной группой), включает аффективные и регулятивные компоненты (готовность разделять соответствующую систему ценностей, соблюдать определенные правила, проявлять определенные чувства)» [7. С. 85]. Е.В. Головнева выделяет эти составляющие в **структуре региональной идентичности** и описывает ее как четырехкомпонентную: она включает в себя когнитивный, ценностный, эмоциональный и регулятивный компоненты [16.

С. 184–185]. Они присутствуют и в структуре баварской идентичности.

Когнитивный компонент региональной идентичности включает в себя «географические образы, т.е. устойчивые пространственные представления о регионе, формирующиеся на быденном и профессиональном уровне» [16. С. 185]. В романе «Успех» когнитивная составляющая баварской идентичности связана, помимо географических представлений о стране как о «баварской возвышенности» [17. С. 45, 66] и «баварских горах» [Там же. С. 63], в первую очередь с представлением о Баварии как о земледельческой стране, населенной, соответственно, крестьянами. Даже Мюнхен, баварская столица, «носил определенно крестьянский отпечаток» [Там же. С. 17].

«Крестьянская» сущность баварской культуры осознается и героями-баварцами, и внеаходимыми по отношению к ней героями. «Страна, которой он, Флаухер, служил, была страной земледельческой» [Там же. С. 17], – так рассуждает министр просвещения, которому, в свою очередь, присуща «крестьянская хитрость» [18. С. 228, 229]. Даже баварцы, по роду занятий далекие от земледельческого труда, все равно по образу мыслей остаются крестьянами. Художник с «крепкой крестьянской головой» [17. С. 184] и «морщинистым мужицким лицом» [Там же. С. 298] Андреас Грейдерер демонстрирует «наивное крестьянское остроумие» [Там же. С. 65]. Доктор Гейер, наблюдая за депутатами ландтага от социал-демократов, писателем Пфистерером и министром Флаухером, приходит к заключению, что все они, несмотря на разницу в убеждениях и род занятий, – «хитрые крестьяне... не склонные чрезмерно доверять друг другу» [Там же. С. 66].

Ценностный компонент идентичности включает себя, согласно Е.В. Головневой, «переживаемые и осознаваемые смыслы и ценности той или иной региональной общности, сопровождающиеся оценкой качества собственной региональной инаковости» [16. С. 185].

В романе Фейхтвангера ценностный аспект идентичности раскрывается в нескольких особенностях его героев-баварцев. Им всем присущи **консерватизм и враждебное отношение к прогрессу** – «баварцы... не желали заглядывать вперед, им дела не было до более разумно устроенной Европы, они желали жить, как жили до сих пор в своей прекрасной стране: широко, шумно, сытно» [17. С. 28].

Эти особенности фиксируются и в слове повествователя и героев, не принадлежащих к баварскому миру (т.е. при взгляде на баварский мир извне), и в прямой речи героев-баварцев, и в случаях использования нейтральной повествовательной ситуации (*«носителями точки зрения становятся сами персонажи, хотя формально речь принадлежит повествователю»* (выделено мной. – А.П.) [19. С. 245]), когда герой-баварец становится субъектом сознания, не будучи субъектом речи. «Истинно баварские» убеждения судьи Гартля – это «консервативные убеждения» [17. С. 21]. Они же преобладают и среди творческой интеллигенции. Пфистерер, который считается одним из двух ведущих баварских писателей, «был поклонником старых устойчивых форм; глубоко сожалел о революции. Слава богу, его родные баварцы были на правильном пути восстановления старого порядка» [Там же. С. 167]. По определению швейцарца Жака Тюверлена, взгляды «консервативного горного племени» [Там же. С. 170], т.е. баварцев, «не соответствуют нравам и обычаям остальной Европы... основаны на условиях жизни далекого прошлого... патриархальны и поэтому нелогичны и нелепы» [Там же. С. 170].

Баварскому консерватизму посвящен большой фрагмент в главе «Старобаварская земля» (IV часть), которая представляет собой исторический очерк:

Больше всего баварцы истари дорожили своим покоем. Но в двадцатом веке их уже не оставляли в покое. До сих пор они за счет избытков своего сельского хозяйства могли покупать все, что им при их несложной и сытой жизни было нужно. Но вдруг... другие внезапно перестали зависеть от них, а они сами стали зависеть от других.

Баварцы бранились: да что же это такое? До сих пор все шло прекрасно, почему же не может продолжаться все так же? Хотя они не желали это признавать, все же что-то изменилось. Поля приносили такой же урожай, как прежде, и все же на доход с них нельзя было положиться. <...> Сейчас уже поговаривают об отмене этих (хлебных. – А.П.) пошлин. Если это осуществится, если Германия откроет свои границы, баварскому сельскому хозяйству наступит конец. Баварец тогда потеряет свои крестьянские черты, свою особую физиономию, должен будет превратиться в нормального человека.

Баварцы ворчали. Они... желали жить, как жили до сих пор в своей прекрасной стране: широко, шумно, сытно. <...> Они были довольны тем, что есть. Пусть оставят их в покое все эти приезжие, «чужаки», свиньи прусские, обезьяны паршивые! [18. С. 27–28].

Баварский консерватизм находит свою особую реализацию в идеологии и практике движения «патриотов», или «истинных германцев». Американцу Поттеру, наблюдающему за происходящим в Мюнхене на пике их популярности, «все движение “патриотов”, вся эта дикая воинственность представляются последними судорогами первобытного человека. Ему, Поттеру, нередко мерещится сцена, годная не то для театра, не то для фильма: последние люди каменного века разбивают свои орудия и переходят к употреблению бронзовых» [18. С. 102]. В слове повествователя и некоторых героев отсталость Баварии иллюстрируется желанием баварцев жить так же, как они жили в течение последней *тысячи лет*; «истинные германцы» отстали от прогресса и реалий XX в., согласно Поттеру, намного сильнее и могут быть приравнены к «*первобытным*» (т.е. отставание в этой особой группе героев-баварцев становится еще сильнее, чем у баварцев в целом).

В заключительном слове повествователя («К сведению читателей») еще раз делается акцент на отсталости Баварии как следствии консерватизма ее жителей: указывается, что источником материала о нравах баварцев стала газета «Мисбахер анцайгер», один экземпляр которой хранится «в институте по исследованию *первобытных форм культуры* в Брюсселе»¹ [Там же. С. 310] (в оригинале – «примитивных форм культуры»: «primitive Kulturformen» [20. S. 867]).

Одна из форм, в которых реализует себя баварский консерватизм, – это **непонимание и неприятие подлинного искусства**. Уже в одной из первых глав романа (часть I, глава 5) говорится о том, что в Баварии «можно было упрятать в тюрьму человека только за то, что он поместил в музей картины, не пришедшиеся по вкусу каким-то полувывжившим из ума академикам, предпочитавшим видеть в картинной галерее свою собственную, никому не нужную мазню» [17. С. 36]. Мюнхен не принимает ни картины «чужачки» Анны-Элизабет Гайдер, ни ее саму, принадлежащую к числу «немногих настоящих художников современной эпохи» [Там же. С. 47], поскольку баварцы не в состоянии оценить ее «бесспорное, неповторимое, настоящее дарование» [Там же]. Для баварца Гартля автопортрет Гайдер – «возбуждающая, сомнительная по содержанию картина» [Там же. С. 78–79],

¹ Здесь и далее курсив в цитируемых фрагментах, кроме специально оговоренных случаев, наш. – А.П.

оценить ее художественное значение он не в состоянии. Картина «Иосиф и его братья», созданная «художником, какие рождаются, быть может, раз в поколение» [17. С. 51], удалена из Мюнхенского государственного музея. В сфере архитектуры происходит примерно то же самое: количество безвкусного и неэстетичного на улицах Мюнхена увеличивается – например, Галерея полководцев регулярно пополняется «еще каким-нибудь новым уродством» [Там же. С. 35] (эти рассуждения доверены Паулю Гессрейтеру – одному из очень немногих баварцев, наделенных пониманием эстетического). Позже, в 1933 г., Фейхтвангер еще раз вернется к этому качеству Мюнхена и мюнхенцев в своих «Автобиографических заметках»: «Тогда мой город еще дорожил своей традиционной славой города искусства. Однако оно было невысокого пошиба, его искусство. По сути, оно представляло собой этакую академическую, чванливую, мещанскую институцию, которую тяжелые на подъем, туповатые, духовно косные горожане поддерживали главным образом для привлечения иностранцев» [21. С. 25].

Далее, баварцев отличает **агрессивная и разрушительная нелюбовь к «чужакам»** – «термином “чужак” в Мюнхене обозначался всякий, кто по своему внешнему виду, образу жизни или хотя бы дарованиям выделялся из общей массы» [17. С. 26].

Яркой иллюстрацией этой особенности становится процесс Мартина Крюгера. Сам Крюгер сначала не принимает происходящего всерьез: «Не посмеют ведь такого человека, как он, занимающего одно из виднейших мест среди германских искусствоведов, осудить на основании таких нелепых показаний!» [Там же. С. 45]. Но после допроса свидетельниц – бывших соседок покойной художницы Гайдера, «чужачки», – «он внезапно с ужасающей ясностью понял всю опасность своего положения среди этих баварцев» [Там же], «ему стала понятна и напряженная серьезность доктора Гейера» [Там же]. Дело против Крюгера описывается в слове повествователя именно как расправа баварцев над «чужаком»: «Он был родом из Бадена и не умел по достоинству оценить тупое, липкое упорство, с которым жители Баварской возвышенности способны доконать ненавистного им человека. Он не мог себе представить, что старательный прокурор из грязной болтовни обывательниц сделает конкретные юридические выводы и что почтенный поставщик двора Дирмозер и рабо-

тяга-почтальон Кортеси из этого нечистоплотного вздора возведут для него тюремные стены» [17. С. 45].

Каэтан Лехнер рассуждает: «...никогда нельзя было знать заранее, когда человек связывался с кем-либо из этих “чужаков”, до чего это может довести» [Там же. С. 79]. Для судьи Гартля письма Гайдер тоже становятся поводом для подобных обобщений, выявляющих ценностный аспект оппозиции баварец / «чужак»: «Эти письма покойной, – находил он, – крайне типичны. Это ценные документы. Вот каковы они, эти “чужаки”. У них нет устойчивой линии, нет гордости. Они готовы позволить себе все что угодно. Выбалтывают все, что взбредет на ум, без всяких задерживающих моментов, без всякого стыда. Ну, и что же толку? В итоге – неудовлетворенная чувственность, тоска, отвернутый газовый кран и возбуждающая, сомнительная по содержанию картина» [Там же. С. 78–79]. В целом по отношению к «чужакам» у баварцев доминируют непонимание и агрессивное неприятие, готовность «доконать».

Наконец, даже наличие интеллекта не делает героя-баварца свободным от предубеждения по отношению к «чужакам». Яркий пример такого рода – комик Бальтазар Хирль, который, в отличие от многих, способен оценить безусловный литературный талант Жака Тюверлена – и все же испытывает к нему враждебные чувства:

...он внимательнейшим образом приглядывался ко всему, что делал Тюверлен. Он пришел к заключению, что этот Тюверлен – ловкач и в области искусства заткнет за пояс всю эту банду. Многие из замечаний Тюверлена продолжали жить в нем, навели его на те или иные выдумки. Он рассчитывал в дальнейшем многое из того, что он сейчас отвергал, использовать в залах «Минервы». С другой стороны... Тюверлен казался ему чересчур решительным. Он, Гирль, тоже многое не одобрял в своем родном городе Мюнхене, он высмеивал многое, все его выступления были одной сплошной критикой. Это было дозволено *ему*, он имел право говорить о своей матушке, что она «старая свинья». Но если это самое говорил другой, ему следовало дать по морде (выделено автором. – А.П.) [Там же. С. 357–358].

Противопоставление баварцев и «чужаков» связано с разделением «своего» и «чужого». «Встреча с Другим неизбежно ставит вопрос об особом пространстве “чужого” и ценности его опыта» [22. С. 19]. Носитель баварской идентичности не просто не признает ценности этого опыта: он видит в нем ценность отрицательную (как это дела-

ют Лехнер, Гартль и другие персонажи «Успеха»); соответственно, баварец / «чужак» – тоже оппозиция ценностного характера.

В еще большей степени агрессия выражена в риторике «истинных германцев» и их вождя Руперта Кутцнера: «...во всех невзгодах, по его мнению, виновны были Иуда и Рим. Как легочные бациллы разрушают здоровое легкое, так и германский народ разрушается международным еврейским финансовым капиталом. И все пойдет хорошо и наступит полное благоденствие, как только выкурят этих паразитов» [17. С. 197]. Здесь понятие «своих» берется в более широком значении («германский народ»), а «чужаки» конкретизированы до «Иуды и Рима».

Наконец, аксиологически «заряжены» в романе «Успех» и образы тела. Региональная идентичность «задает норму антропологического воображения, те образы человека и человечности, которые считаются приемлемыми и желательными в рамках данного сообщества» [9. С. 19], – и, соответственно, баварский мир руководствуется определенной «соматической концепцией» [23. С. 58], в рамках которой безусловно ценным, «своим» является «широкое», **избыточно большое тело**. «Узкое» же тело, напротив, распознается баварцами как «нетипичная» телесность и стигматизируется (см. об этом: [15, 24]).

Следующий компонент региональной идентичности – **эмоциональный** («стандартные стереотипы эмоционального реагирования жителей региона на конкретные ситуации, интенсивность реакций, преобладающие эмоции» [16. С. 185]). Поведение представителей баварского мира определяется едиными эмоциональными нормами, в рамках которых «интенсивность реакций» заметно выше, чем у небаварцев. Баварцы изображены в романе как люди несдержанные и склонные действовать под влиянием сиюминутного порыва, а не разума и логики. Из-за этого, в частности, велико число убийств в пьяных драках, на которые баварская юстиция смотрит как на нечто вполне нормальное. Например, о смерти шофера Ратценбергера в результате конфликта с булочником в трактире «Серенький козлик» говорится следующее: «Шофер... вспылел. Потасовки были не редкостью в баварских кабачках. Булочник... повторял со спокойным, печальным выражением лица: “Да, вот бывает, бывает...” <...> Был приговорен к небольшому наказанию» [17. С. 203]. Писатель Пфистерер назван «вспыльчивым баварцем» [Там же. С. 242]. Бенно

Лехнера же отличают сдержанность и осмотрительность – «он был верхнебаварец *и все же* был всегда сдержан, рассудителен, серьезен» [17. С. 258], – и объясняется это его симпатиями к коммунистам, дружбой с Преклем, т.е. тем, что он наполовину баварец, наполовину «чужак». В одном из эпизодов романа «пресловутую неуравновешенность баварской натуры» [Там же. С. 144] отмечает в своей статье и берлинский журналист: ее признают сами баварцы и замечает «внешний» взгляд.

Единство «стереотипов эмоционального реагирования» у баварцев можно проследить в главе «Комик Гирль и его народ», где мюнхенцы наслаждаются представлением своего любимого артиста: «...перед простодушной убедительностью этого зрелища стирались все грани между зрителями. Сглаживались их индивидуальные заботы и индивидуальные радости. <...> Точно так же как их головы в равномерном движении следовали за каждым движением актера, так и сердца их с одинаковым злорадством реагировали на бесплодные усилия хмурого человека на эстраде» [Там же. С. 214]. В противоположность им «чужак» доктор Гейер не разделяет «общий шумный восторг» [Там же], «находил всю эту штуку удивительно глупой, вполне подходящей к умственной неполноценности народа, среди которого злая судьба назначила ему родиться» [Там же]. Общность эмоциональных реакций на представление Хирля объединяет баварцев – а эмоциональные реакции героя, не являющегося носителем баварской региональной идентичности, совершенно другие.

Эмоциональная – а не рациональная – доминанта поведения сохраняется и обогащается новыми нюансами в связи с деятельностью Руперта Кутцнера и образами сторонников «истинных германцев». Например, когда на сторону «патриотов» становится бывший министр Кленк – тут же комментируется, что он при этом «следует инстинкту, а не разуму» [18. С. 14] (хотя Кленк – один из очень немногих баварцев, наделенных полноценным умом). Разум и логика не работают и у рядовых сторонников движения, и у его «вождей», и в его идеологии. Например, в основе аргументации антисемитских положений программы Руперта Кутцнера – «не *заклучения научного характера*, не сведения, почерпнутые из бухгалтерских книг или налоговых данных, а *просто чувства*» [17. С. 199]. Акцент на чувствах неслучаен и связан с тем, что, как и баварское население в целом,

сторонники «патриотов» при принятии решений **руководствуются эмоциями, а не разумом.**

Настолько же несостоятельны с точки зрения разума и логики – и при этом эмоционально насыщены – расовые теории «патриотов»: «Если в науке оказывалась брешь, они заполняли ее потоком чувств. <...> Всюду оценка, основанная на чувстве. Туманная мифология, построенная так, как дети на берегу моря строят замки из песка. Полное отсутствие твердой научной основы. Стоило ближе приглядеться ко всей этой схеме – и в итоге получался блеф. Не существовало научного критерия, дававшего возможность произвести разделение людей на расы, основываясь на составе их крови, строении их мозга, характере их способностей» [18. С. 69]. Наконец, Кутцнер требует от своих сторонников «священного безумия» [Там же. С. 165], во время судебного процесса над организаторами путча он ощущает «контакт с аудиторией» [Там же. С. 254], «буйное опьянение» [Там же], «искренний гнев» [Там же], произносит речь «с жаром» [Там же], т.е. и им самим управляют эмоции, и ставку он делает на эмоциональную манипуляцию аудиторией – но не на логичную аргументацию.

Популярность Руперта Кутцнера у баварских бюргеров объясняется в тексте романа тем, что его «программа... удовлетворяла их потребность в *романтике*. Всюду мерещились им тайные союзы и заговоры: стоило понизиться тарифу таксомоторов – и они уже видели в этом руку франкмасонов, евреев, иезуитов» [17. С. 198]. Упоминание о романтике / романтическом неслучайно и происходит многократно: в ресторане «Серенький козлик» «горячо обсуждались всевозможные *романтические* вопросы» [Там же], в этих обсуждениях участвует в том числе лжесвидетель шофер Ратценбергер, «как и все жители Баварской возвышенности склонный к романтизму» [Там же. С. 200]. Этот штрих связан с тем, что лично Фейхтвангер относится к романтической традиции (в первую очередь к немецкой) негативно. Намного позже, в романе 1951 г. «Гойя», он выскажется об этом в слове повествователя так:

Человечество устало от страстных усилий создать в предельно короткий срок новый порядок. Ценой величайшего напряжения народы пытались подчинить общественную и частную жизнь велению разума. Теперь нервы сдали, от ослепительно яркого света разума люди бежали

назад – в сумерки чувств. Во всем мире снова превозносились старые, реакционные идеи. От холода мысли все стремились к теплу веры, благочестия, чувствительности. От бурь, которые принесла свобода, спешили укрыться в тихой пристани признанных авторитетов и послушания. Романтики мечтали о возрождении средневековья, поэты проклинали ясный, солнечный день, восторгались волшебным светом луны, воспевали мир и успокоение в лоне католической церкви. «Из драки с просветителями мы вышли целехоньки!» – радовался один кардинал [25. С. 337].

Следует отметить, что, несмотря на обобщение «во всем мире», приведенный фрагмент отсылает к конкретным явлениям культуры, как правило, национально маркированным. Упоминание «тепла... чувствительности» – отсылка к сентименталистской традиции с ее специфической иерархией ценностей и к так называемой «эпохе чувствительности» [26. С. 444–446] в целом; у сентименталистов регулятивную основу поведения составляют именно эмоции – «характерные для сентиментальной культуры эксцессы чувства являются необходимыми для функционирования нового [эмоционального] режима» [Там же. С. 445]. А упоминаемые в приведенном фрагменте противопоставления день / ночь, солнце / луна, где положительно маркирован второй член оппозиции, образуют ядро системы образов в «Гимнах к ночи» Новалиса, члена Йенского романтического кружка. «Мечта о возрождении средневековья» тоже была отличительной чертой йенской художественной системы (хотя конкретно-исторических примет времени романы о средневековье у Новалиса и Тика и не содержат). Фраза «мир и успокоение в лоне католической церкви» отсылает уже к романтикам Гейдельбергской школы, у которых смена идеологии (ценностный фокус радикально сдвигается от индивидуального к коллективному) сопровождается и сменой конфессиональной принадлежности: некоторые представители Гейдельбергского кружка переходят в католичество [27. С. 230–231].

Но, несмотря на это многообразие, все оппозиционные просветительской рациональности культурные явления, упомянутые в приведенном фрагменте романа «Гойя», имеют отношение к европейскому (прежде всего немецкому) романтизму – и сентиментализм как одно из проявлений предромантизма в том числе. Понятие «романтический» было в глазах Фейхтвангера не только обозначением конкретной эпохи в истории культуры, но и синонимом нерационального,

нелогичного, враждебного прогрессу. Поэтому упоминание о «потребности в романтике» предваряется замечанием: «*Трезвость* марксистских идей, если они вообще слыхали о них, отталкивала этих мелких буржуа» [17. С. 198]. Марксизм в данном случае упоминается не столько потому, что Фейхтвангер ему симпатизировал (степень его симпатии по отношению к левым идеям достаточно часто преувеличивается), сколько потому, что в Германии 1920-х гг. основную оппозицию националистическому движению составляли левые силы – социал-демократы и коммунисты (см.: [28. С. 145, 148, 157 и др.]).

С точки зрения осмысления национал-социализма у Фейхтвангера оппозиция «трезвых» левых взглядов, «заклучений научного характера», с одной стороны, и «романтических вопросов», «просто чувств», устойчивой привычки «не думать» – с другой, принципиально важна. Эта оппозиция фактически идентична всем тем, которыми описывается противостояние Баварии и разумного мира. Подобно тому как баварский мир отвергает разум и рациональность – точно так же неразумно, нелогично и разрушительно движение «патриотов»; **эмоциональные нормы, которые доминируют у тех и у других, очень близки и образуют сходную регулятивную основу поведения.**

Регулятивный компонент баварской региональной идентичности – «предрасположенность к определенным действиям, способам поведения и ориентирования в региональном пространстве» [16. С. 185] – включает в себя много аспектов поведенческих практик баварцев. Специфическая эмоциональная доминанта их поведения (которая сама по себе составляет эмоциональный компонент) связана с такой особенностью баварцев, как **отсутствие привычки регулярно и интенсивно пользоваться своим разумом.** Это осознается и «изнутри» – самими баварцами. Например, Пауль Гессрейтер отмечает, что Лоренц Маттеи «вообще не слишком много размышлял, как *не размышляли и все мы*» [17. С. 35]. Йоханна Крайн смотрит на своих соотечественников и видит *«тупые, спокойные лица»* [Там же. С. 212]. На интеллектуальную неполноценность окружающих сетуют умные и поэтому не вполне типичные баварцы Кленк («Все эти ландсгерихтсдиректоры и советники, эти *тупые*, узкие специалисты, эти *безнадежные болваны...*» [Там же. С. 325]) и Рейндль («Благоразумнее было бы за это время вбить кое-какие принципиальные установки

в *тупоумные головы* своих директоров» [17. С. 144]; «...голова — штука редкая в его родной Баварии» [Там же. С. 146]). Повествователь тоже неоднократно аттестует баварцев как мало думающих или вовсе не думающих, они отличаются «слабостью суждений»: «Жители страны... любили свою землю, отличались силой и упрямой настойчивостью, зоркостью глаза и *слабостью суждений*» [18. С. 25]. Во время выступления комика Хирля акцент тоже делается на том, что присутствующие там герои-баварцы «не думают»:

...не думал Гессрейтер об аляповатых длиннородых гномах и гигантских мухоморах своей фабрики, не думал и министр Кленк о предполагаемых в ближайшее время значительных изменениях в подведомственном ему личном составе, не думал и тайный советник Каленегер о все учащающихся яростных нападках на его теории относительно слонов в зоологической коллекции [17. С. 214].

«Слабость суждений» подчеркивается еще более часто и настойчиво в связи с деятельностью «истинных германцев». В главе «Несколько исторических справок» в слове повествователя (не привязанном к героям — они в данной главе вообще не появляются) утверждается:

...страны с низким числом неграмотных предпочитали демократические формы правления, страны же с высоким числом неграмотных — диктатуру. В демократически управлявшейся Германии приверженцы феодального понятия власти — правые партии — численностью несколько превосходили сторонников государственного уклада с более подчеркнутым социальным характером — партии левые. Малоимущие в материальном отношении входили в большинстве случаев в левые партии, малоимущие умственно — в правые [Там же. С. 209].

Эта глава (14-я, часть II) непосредственно следует за главой «Смерть и преображение шофера Ратценбергера», в которой впервые появляется Руперт Кутцнер. Такое композиционное решение обусловлено тем, что вступление на сцену Кутцнера и «истинных германцев» требует от повествователя сразу обозначить взаимосвязь между поддержкой правого национализма и диктатуры и интеллектуальной неполноценностью, создать тот концептуальный «скелет», который затем в ходе развития романного сюжета обрастает «плотью» образов и событий.

Акцент на **умственной неполноценности «истинных германцев»** — как ключевых фигур движения, так и сторонников и сочув-

ствующим – делается неоднократно. Рассуждения об этом поручаются, например, Антону Мессершмидту, наблюдающему за генералом Феземаном (прототипом которого стал Людендорф [29. С. 281]): «Этот человек был когда-то героем, но затем, вероятно еще до окончания войны, он превратился в *безумца*. И этого безумца и после войны не выгнали и не заперли в сумасшедший дом. Безумец сидел здесь, в Мюнхене, и поддерживал *другого, умственные способности которого тоже были не в блестящем состоянии*» [18. С. 94]. Кленк тоже выражается достаточно резко: «Второй столп “патриотов”, генерал Феземан, после понесенного на войне поражения был не совсем в себе» [Там же. С. 14]. Когда Эрих Борнгаак советуется с Кленком относительно способов воздействия на Руперта Кутцнера, тот советует ему сделать ставку на «мрачный блеск» и отказаться от апелляции к разуму: «Эрих должен завоевать себе славу среди “патриотов”. <...> Совершив блестящий подвиг. <...> *Дело вовсе не в полезности или разумности подвига*. Нужен известный блеск. Пусть это будет *нечто совсем глупое*, но оно должно излучать блеск. Лучше всего – *мрачный блеск*» [Там же. С. 138].

Ближайшие родственники Кутцнера тоже отличаются слабыми умственными способностями. Его брат Алоис – «первоклассный боксер» [17. С. 374], т.е. человек, имеющий в своем распоряжении прежде всего грубую силу. Он отличается «глубокой верой» [Там же. С. 376], с легкостью верит в абсурдные легенды о том, что погибший более 35 лет назад баварский король Людвиг II Виттельсбах жив, и не способен подвергнуть их критической оценке. Мать Алоиса и Руперта, в свою очередь, «путала успехи обоих сыновей, не в силах разобраться в кроше, Пуанкаре, победах “по очкам”, кровно германских убеждениях, Иуде и Риме, нокаутах и тому подобном» [Там же. С. 377]. Еще более явным слабоумием отличается дядюшка Ксавер, разорившийся во время инфляции: «Мозг дядюшки Ксавера не выдержал такого удара. Теперь он с важным видом складывал обесцененные бумажки, разбирал, связывал их в пачки. Деловито забегал в помещения студенческих организаций, собиравшись со своими бумажками, украшенными многозначными цифрами, делать большие дела» [Там же. С. 378].

Соответственно, сторонники «патриотов» тоже, за очень небольшим исключением (например, когда из тактических соображений их

поддерживает Кленк), не отличаются полноценным интеллектом. Кленк ругает своего сына Симона Штаудахера за вступление в партию Кутцнера и считает это проявлением «глупости»: «Сейчас спутался с кутцнеровской компанией, с “истинными германцами”, с идиотами этакими. <...> Человека ничему нельзя научить. Каждый сам должен наделать своих собственных глупостей» [17. С. 326]. Мотивация присоединившихся к Кутцнеру и его партии не содержит в себе никаких рациональных моментов, никакой логически обоснованной оценки партийной программы.

Сторонников Кутцнера Фейхтвангер, чтобы подчеркнуть иррациональный характер их симпатий к «истинным германцам», называет «верующими» [Там же. С. 422] (ср. также: «Алоис охотно бывал на его [Руперта] собраниях, отдаваясь *волне увлечения*, вместе с тысячами других *веря* победоносным, грохочущим фразам брата» [Там же. С. 374]). Кутцнер встречается со своими сторонниками и «увлекает» их своей «выразительной мимикой» [18. С. 53], в результате чего «осчастливленными» [Там же. С. 52] окончательно утрачивают способность к критической оценке: «Они *забыли*, что немногие сохранившиеся у них процентные бумаги обесценены, что потеряна надежда на обеспеченную старость» [Там же. С. 53]. Комментарий повествователя к выступлению Кутцнера напоминает его же комментарий к выступлению Бальтазара Хирля, слушатели которого «не думали»: «...ни один из слушателей Кутцнера *не думал* об осужденных...» [Там же. С. 71]; «*Не думал* ...и антиквар Лехнер о Мартине Крюгере» [Там же. С. 71–72]. Что касается Хирля, то он не поддерживает «патриотов» и вместе со своей подругой Рези готовит номер под названием «Перчатка», направленный против партии Кутцнера и его приверженцев; зрители на премьере – причем не только противники, но и сторонники и члены партии «истинных германцев» – «тряслись от хохота» [Там же. С. 82], а уловить антикутцнеровский посыл представления они не в состоянии. Механизм этого процесса показан на примере изобретателя Друкзейса: «Он *не раздумывал долго*, была ли “Перчатка” за “патриотов” или против них. Легко и быстро, как и все окружающие, *подчиняясь примитивным впечатлениям*, он безудержно *отдался восторгу*, вызываемому игрой комика Гирля» [Там же]. Когда с «истинными германцами» сталкивается Даниель Поттер, ему бросаются в глаза прежде всего «недостаток мыслительных способно-

стей» [18. С. 98], «странная неспособность оценивать общие факты» [Там же]. Такой «недостаток мыслительных способностей» в принципе отмечается у баварцев, но в той версии, которая представлена в движении «патриотов», он доведен до крайней степени. Показательный пример – Каэтан Лехнер: «С тех пор как Каэтан Лехнер ввязался в кутцнеровскую шумиху, он *совсем свихнулся*, и с ним невозможно было разговаривать» [Там же. С. 108].

«Потребностью в романтике», которая имеет эмоциональную природу, мотивация сторонников Руперта Кутцнера не исчерпывается. Барон Рейндль говорит о них в следующих выражениях:

Почему самые молодые бегут за Кутцнером... это совершенно ясно. Они жаждут приключений, хотя *играть* в «разбойников и жандармов». Они радуются, когда им в руки дают *игрушки*: мундир, револьвер, а то и винтовку, таинственные открытки, на которых резиновая дубинка и винтовка называются «всестирающей резинкой и зажигалкой». Если их еще уверить, что эта *забава* – подвиг во имя спасения родины... то можно вести их за собой куда угодно. <...> В глубине души мелкий буржуа всегда тосковал по сильной власти, по власти, которой он мог бы *безоговорочно подчиняться*. <...> В хаосе возрастающей нужды Кутцнер – последний оплот, идол мелкого буржуа, герой, лучезарный вождь, громким фразам которого можно *сластоугодно подчиняться* [17. С. 422–423].

То есть он делает акцент на том, что «патриоты» **инфантильны, несамостоятельны и именно поэтому склонны к нерассуждающему подчинению**. Причем инфантилизм как поведенческая, регулятивная характеристика присущ не только им, но и Баварии в целом – «для Берлина Бавария действительно была *отсталым, упрямым ребенком*, которого приходилось тащить за собой» [18. С. 14]. Присоединение к «истинным германцам» изображается, таким образом, как логичное следствие баварской незрелости, инфантильности, «слабости суждений» [Там же. С. 25]. (При этом стоит отметить, что быть баварцем и иметь слабый интеллектуальный потенциал еще не означает автоматического присоединения к партии Руперта Кутцнера. Например, писатель Лоренц Маттеи и художник Грейдерер, невысокие умственные способности которых упоминаются на страницах романа неоднократно, становятся противниками «патриотов»: первого «мучило сознание, что его земляки оказались такими идиотами» [Там же. С. 78], второй «при каждом удобном случае выступал против

Кутцнера» [18. С. 78]. Комик Хирль, который «пропитался идеями Тьюверлена» [Там же. С. 80], готовит сцену «Перчатка», направленную против «патриотов», – и умирающему писателю Пфистереру, тоже не отличающемуся высокоразвитым интеллектом, эта сцена, сыгранная прямо в больничной палате, приносит сильнейшую радость: «Комик Гирль был для него олицетворением города Мюнхена, и он увидел, что этот город, оказывается, вовсе не так глуп, чтобы поддаваться обману всякого идиота» [Там же. С. 84]. В рядах противников Кутцнера оказывается даже советник Каленеггер [Там же. С. 82], несмотря на его старческое слабоумие.)

Важный аспект регулятивной составляющей баварской идентичности – **физиологический**. Избыточное баварское тело реализует себя в различных физиологических проявлениях. Как пишет Н.А. Бугуева, «человеческое тело, помимо действия общих законов жизни, подвержено влиянию закономерностей социальной жизни, которые, не отменяя первых, существенно модифицируют их проявление» [30. С. 71]. Герои-баварцы сморкаются, потеют, храпят и т.д. (см.: [15]) – все это считается нормой и не смущает ни самого «широкого» баварца, ни окружающих: «Вслед за этим художник Грейдерер направился в уборную. <...> Опираясь на свою украшенную еловой шишкой палку, он склонился вперед. Его *стало рвать*. В промежутках между *спазмами* он настойчиво старался убедить в чем-то ландесгегрихтсдиректора Гартля» [17. С. 281].

В случае с инспектором Эрзингером физиологический аспект включается в мотивацию присоединения к Кутцнеру: этот персонаж вступил в ряды «патриотов», так как «его терпение лопнуло» [18. С. 51], «когда его жена вместо привычной катушки гигиенической бумаги повесила в клозете нарезанную листочками газету» [Там же]. Физиологический аспект происходящего подчеркивается в сцене собраний сторонников Кутцнера не менее настойчиво, чем в других массовых сценах с участием баварцев (см.: [15]): «Дым становился все гуще, острее – запах пота... <...> Антиквар Лехнер все чаще и порывистей вытаскивал свой пестрый платок. <...> [Кутцнер] расписывал, как заблудший город без единого взмаха меча достанется “истинным германцам”, как власти при одном только виде истинных сыновей народа *со страху наложат в штаны*. В зале, в то время как вождь говорил о походе на Берлин, царилась гробовая тишина. <...>

Каэтан Лехнер даже остановился, *не высморкав до конца нос*, лишь бы не мешать» [18. С. 52]. Физиологические проявления у Лехнера упомянуты и в главе, посвященной событиям пивного путча: «Громко *высморкался* Лехнер в пестрый носовой платок, изо всех сил своего *зобастого* горла закричал: “Хайль!” Много кружеск пива осушил он в этот вечер» [Там же. С. 230]. Флаухер во время пивного путча замечает: «И *потеет* же Кутцнер!» [Там же]. И в целом помещение в «Трапезной», где собрались поддержавшие путч, «было наполнено табачным дымом, пропитано *человеческим потом* и *пивом*. <...> ...люди ждали; им выдали *пиво* и *ливерные сосиски*» [Там же. С. 232]. А рассказ о поражении «патриотов», показанном в 8-й главе V части глазами Каэтана Лехнера, неоднократно фокусируется на метаморфозах, происходящих с телом героя:

Он тяжело дышит, все его тело болит и как будто делается мягким-премягким. <...> ...он ослабел, раскис, обмяк и весь сделался словно из ваты. <...> Он сидел, стараясь хорошенько отдышаться. Затем, успокоившись, принялся тщательно чиститься. Это было нелегко, и задача удалась ему лишь частично, так как он ужасно испакостился. <...> Он чувствовал слабость во всем теле, был голоден, испытывал потребность хорошо вымыться. <...> В ресторан он также не решался зайти: ему казалось, что каждый сразу увидит, как позорно он испакостился [Там же. С. 234–236].

Он жестоко закашлялся, вытащил свой пестрый носовой платок, высморкался [Там же. С. 237].

Ноги у него застыли – этак и ревматизм схватить недолго! [Там же. С. 238].

Размышлениям Лехнера уделено гораздо меньше внимания, чем поглощению им пищи и его телесным ощущениям. Он думает о том, что «Кутцнер оказался шутком и трусом» [Там же. С. 237], что «никогда уже не сунется он в распри “большеголовых”» [Там же. С. 239] и что «у него пропала охота быть домовладельцем» [Там же]. Весь эпизод участия Каэтана Лехнера в событиях пивного путча – это не столько история переосмысления и переоценки деятельности «истинных германцев», сколько история функционирования его тела на протяжении этих суток.

Преступная деятельность «истинных германцев», в свою очередь, включает в себя не только насилие в чистом виде: они «бросились на полицейских, *оплевали* их, обезоружили и куда-то увели» [Там же.

С. 232–233]; «Они мажут грязью надгробные памятники; напившись, отправляются на еврейское кладбище и *блюют* на могильные плиты. <...> Они пачкали их своими *извержениями*...» [18. С. 151]. Физиологические проявления становятся еще одним инструментом преступлений, совершаемых «патриотами».

Отдельно отметим такую важную составляющую поведенческих практик баварцев, связанную с ценностью избыточно большого тела в баварском мире, как **потребление большого количества пищи**. Баварцы едят и пьют много не столько потому, что систематически испытывают сильный голод, сколько потому, что в этом заключается одно из ключевых проявлений их «баварскости», таким образом они реализуют и подтверждают свою баварскую идентичность в повседневной поведенческой практике (см.: [15]).

Выступление сторонников «патриотов» под руководством Кутцнера и Феземана выглядит так: «*Животы* их были наполнены кофе, *пивом* и *сосисками*, и теперь они маршировали с Кутцнером и Феземаном во главе и, маршируя, побеждали» [18. С. 232]. Процесс физического и психического восстановления Лехнера после перестрелки на улицах и провала Кутцнера тоже не обходится без потребления большого количества пищи и пива:

...он зашел в какой-то кабачок. Поел супу с ливерными клецками. Вначале он ел машинально, жадно, затем почувствовал вкус, заказал порцию легкого под кислым соусом, затем заказал еще и порцию телятины. Выпил кружку пива, и еще одну, затем выпил и кофе. <...> Сейчас в желудке у него была жареная телятина и легкое под кислым соусом, он избавился от винтовки и нарукавной повязки, а теперь вот отправится в городскую баню и хорошенько вымоется [Там же. С. 238–239].

Кроме того, присоединившиеся к «патриотам» увеличивают доходы баварской пивоваренной промышленности: «...благодаря собраниям кутцнеровских приверженцев все помещения погребка “Капуцинербрауэрей” бывали переполнены, и потребление пива значительно возросло» [17. С. 422]. Подобно тому как **социальная жизнь** у баварцев, включая политические дискуссии, **протекает в основном в пивной** – точно так же и местом, где рождаются серьезные политические перемены, становится пивная. Поэтому можно сказать, что присоединившиеся к движению становятся в еще большей степени баварцами, потому что, как уже было показано (см.: [15]),

потребление большого количества еды и пива – это «постоянно повторяющееся причастие» [31. С. 15], укрепляющее связь с баварской землей.

Насильственные акты «истинных германцев» тоже не возникают из пустоты: их истоки – в исконно баварской **склонности к насилию**. Баварский министр юстиции Кленк не без удовлетворения констатирует, что «число убийств во время драки и других подобных преступлений... к югу от Дуная все еще выше, чем в любой другой части Германии» [17. С. 75], и связывает этот факт с баварской изыточной телесностью: баварцы – «народ полнокровный» [Там же]. Для Гейера встреча с Кленком – это «взгляд в душу грубо обнаженного насилия» [Там же. С. 159], поскольку в том числе усилиями Кленка в Баварии практикуются многочисленные беззакония (которые становятся материалом для книги Гейера «История беззаконий в Баварии от заключения перемирия 1918 года до наших дней»).

В романе «Успех» фигурирует много примеров насилия как части повседневной практики баварцев. Карьера министра Флаухера начинается с того, что он становится жертвой акта насилия со стороны «студентов-корпоратов» [Там же. С. 15]. Жена шофера Ратценбергера регулярно жалуется в полицию на побои с его стороны [Там же. С. 23]; во время одной из ссор он ранит в голову брата [Там же. С. 24, 200]. Против него возбуждено дело, поскольку он избил пассажира, – но дело прекращают, чтобы использовать показания Ратценбергера против Мартина Крюгера. И даже несмотря на избивание пассажира, шофер после дачи показаний в суде «уносил с собой симпатии многих, твердые надежды на хорошие чаевые и полную уверенность, что, если опять какой-нибудь наглый пассажир станет обвинять его в насилии, такси все равно останется за ним» [Там же. С. 25]. Это свидетельствует о том, что бытовое насилие не воспринимается баварцами как отклонение от нормы.

Изображение насилия в романе «Успех» выходит на новый этап, когда в Мюнхене в полную силу разворачивается движение «истинных германцев». Гейер, что вполне закономерно, видит в вождях ландскнехтов и деятелях правых организаций «насильников, принадлежащих к какой-то низшей породе людей, ближе стоящих к зверям» [Там же. С. 316], – т.е. ставит их еще ниже Кленка, который творит беззакония, опираясь все-таки на свой интеллект.

В целом до этого акты насилия носили единичный, точечный характер, были направлены на одного или нескольких конкретных людей. После «точечное» насилие тоже имеет место – например, в отношении служанки Амалии Зандгубер, убийство которой организует Эрих Борнгаак (часть IV, глава 23). В другом случае ««истинные германцы» устроили... демонстрацию, во время которой избили какого-то американца на том основании, что тот был похож на еврея» [17. С. 327]. Но основной фокус повествования смещается на насилие массовое. Оно начинается именно в тот период, когда власть в Баварии фактически принадлежит не законному правительству, а партии Руперта Кутцнера. Рассказ о массовых актах насилия подготавливается двумя главами IV части:

– Глава 8 «Раньше, чем покроются цветом деревья», где Кутцнер провозглашает грядущий «поход на Берлин» [18. С. 52] и объявляет насилие ключевым инструментом своей будущей политики: «Мы, “истинные германцы”... если бы мы стояли у власти, мы не нуждались бы в чрезвычайных законах. <...> Мы на законном основании повесили бы наших противников» [Там же. С. 53].

– Глава 9 «Из истории города Мюнхена», где повествователь начинает с рассказа об актах беззакония по отношению к отдельным людям и затем переходит к актам насилия массового или как минимум коллективного, с указанием количества жертв:

Когда войска консерваторов, входившие в состав корпуса Люцова, вступили в местечко Перлах близ Мюнхена, там были арестованы вытасканные прямо из постелей двенадцать человек рабочих, частью беспартийных, частью правых социалистов. Ни один из них не участвовал в боях, ни у одного не было найдено оружия. <...> Арестованные, долго молившие о пощаде, были расстреляны группами по двое и по трое на куче угля во дворе ресторана «Гофбрейкеллер» [Там же. С. 58].

Были убиты члены консервативной партии – двадцать один человек. Союз «подмастерьев-католиков» через несколько дней после взятия Мюнхена устроил собрание для обсуждения вопроса о постановке какой-то душеспасительной пьесы. Кто-то – вероятно, просто какой-то шутник – донес, что происходит собрание «большевиков». Поэтому некий капитан фон Альт-Зуттергейм приказал немедленно арестовать всех присутствовавших на собрании. Их отвели на Каролиненплатц... Пять человек были тут же на площади расстреляны. Остальных загнали в погреб. Там солдаты учинили над ними зверскую расправу [Там же. С. 59–60] и т.п.

Насилие пропагандируется «истинными германцами» в качестве наиболее адекватного средства политической борьбы.

Руперт Кутцнер заявлял в своих речах, что... время, остающееся до выступления против французов, нужно использовать для борьбы с внутренним врагом. Стоит только уничтожить его – и Германия мигом станет вновь мировой державой. Главная задача – это расправа с «ноябрьской сволочью». Эту расправу нужно провести без сентиментальностей, с неукротимой яростью. <...> Нужна «сицилийская вечерня»! <...> Нужно установить народные трибуналы, которые выносили бы лишь два приговора: оправдание или смерть. <...> Подручные вождя в своих речах шли еще дальше. Министерские головы, говорили они, скатятся на песок. «Истинные германцы» не сложат оружия, пока на каждом фонаре не будет болтаться одна из «красных ноябрьских свиней». С капустой сожрут они головы берлинского еврейского правительства [18. С. 126].

Позже «патриоты» создают так называемые «тайные судилища» для расправы над неугодными им лицами, и «от руки этого мрачного судилища, являвшегося неотъемлемой частью организации “истинных германцев”, пало в Германии несколько сот человек» [Там же. С. 140].

Насилие со стороны «истинных германцев» становится логичным продолжением практики беззаконий:

Власти беззастенчиво проявляли слепоту, когда нападали «патриоты», открыто становились на их сторону. Во время одной из социал-демократических демонстраций полицейские в зеленых мундирах вырвали знамена с цветами республики из рук знаменосцев, изломали древки, в клочья изодрали полотнища. В районе Главного вокзала, перед Галереей полководцев, отряды «истинных германцев» устроили охоту на всех, кто имел «недостаточно патриотический» вид. Больницы наполнились ранеными. Социал-демократы выступали снова и снова. Это была неравная борьба. У социал-демократов полиция отбирала оружие, «патриотам» оставляла палки, резиновые дубинки и револьверы, эти «всеистирающие резинки и зажигалки» [Там же. С. 78].

Органы полиции состояли на службе у «истинных германцев». Начальник полиции лично выдал фальшивый паспорт одному из вождей ландскнехтов, которого имперское правительство преследовало за совершение гнусного преступления. Дико разыгралась исконная баварская страсть к дракам. Ежедневно происходили нападения на самых миролюбивых людей. В Ингольштаде, в Пассау, сброд, именовавший себя «патриотами», избил иностранных дипломатов, находившихся при исполнении служебных обязанностей. Подвергались насилиям все, кто приходился

не по вкусу Кутцнеровским молодчикам. И на каждом шагу – оправдания или приговоры, скорее выражавшие благодарность, чем осуждение. Убийство, неповиновение, всякое насилие, если оно совершалось «патриотами», оставалось безнаказанным [18. С. 92].

В последние дни своего пребывания на посту министра юстиции Антон фон Мессершмидт спонтанно произносит речь, в которой озвучивает собранную по его поручению статистику преступлений насильственного характера: «Три тысячи двести восемь преступлений совершено за последние два года “истинными германцами”, и следовало бы, если действовать по закону, возбудить восемьсот сорок девять судебных дел. <...> Из них было заслушано всего лишь девяносто два, и самое большое, на что можно рассчитывать, – это то, что будет еще дел шестьдесят-семьдесят» [Там же. С. 150–151].

При этом первая же сцена насилия, которая встречается после провала пивного путча, выглядит следующим образом:

Худая старая женщина... подошла к часовому и, считая очевидно, что проявляет чрезвычайную храбрость, плюнула ему в лицо. <...> Полицейский вздрогнул, застыл на месте, потом повертел головой вправо и влево и стер рукавом с лица слюну. <...> Какой-то невзрачный, плохо одетый озябший человек попытался последовать ее примеру. Но полицейский нашел, что с него довольно. Невзрачному пришлось спасаться бегством: полицейский в зеленом мундире пустился за ним с резиновой дубинкой. Невзрачный бросился наземь, прижался к стене дома, стараясь вдавиться в нее. Полицейский принялся его избивать. Люди глядели, бранились, но держались на почтительном расстоянии, чтобы в случае чего можно было улепетнуть [Там же. С. 240–241].

Отсюда видно, что после поражения Кутцнера происходит восстановление прежнего положения дел: массовое насилие периода подъема «истинных германцев» сменяется «точечным» насилием, которое среди жителей Баварии всегда было распространено.

* * *

Резюмируя сказанное, можно заключить, что почти все ключевые характеристики баварской идентичности, выявленные нами на примере героев-баварцев, демонстрируются также сторонниками и / или руководителями движения «патриотов», которое

сформировалось и достигло массовой поддержки именно на баварской почве. Их связь демонстрирует следующая таблица.

Связь ключевых характеристик баварской идентичности

	Бавария		Движение «патриотов»
К	Сельскохозяйственные традиции		–
Ц	Консерватизм	→	Отсталость
Ц	Нелюбовь к «чужакам»	→	«Во всех невзгодах... виновны были Иуда и Рим»
Э	Эмоциональная доминанта поведения, агрессия	→	«Потребность в романтике», агрессия
Р, Э	1) Эмоциональная доминанта поведения → стихийное физическое адресное насилие 2) Отсутствие правовых традиций → юридическое насилие (беззакония)	→	Массовое насилие
Р	«Слабость суждений»	→	1) Умственная неполноценность, «недостаток мыслительных способностей» 2) Отсутствие логики в политической программе, в идеологии
Р	Утрированная физиологичность	→	Утрированная физиологичность
Р	Инфантильность (в масштабах Германии)	→	1) Инфантильность 2) Нерассуждающее подчинение
Р	Социальная жизнь протекает преимущественно в пивной	→	Ключевые события политической жизни совершаются в пивной
Р	Избыточное потребление пищи	→	Обильное потребление пищи

Примечание. К – когнитивный компонент идентичности, Ц – ценностный, Э – эмоциональный, Р – регулятивный.

Как можно увидеть из данной таблицы, национал-социализм, выведенный в романе как движение «истинных германцев», отрефлексирован его автором в качестве феномена, органически связанного с Баварией и баварской ментальностью. Практически все то, что пода-

ется в романе как типично баварское, находит свою реализацию и в идеологии и практике движения «патриотов». Исключение составляет только сельскохозяйственный уклад жизни в Баварии. Остальные черты баварского мышления, образа жизни и тому подобного либо без существенных изменений отмечаются и у «патриотов» (физиологическая доминанта, потребление пищи), либо ощутимо усиливаются («слабость суждений», склонность к насилию; неслучайно именно вследствие подъема движения «дико разыгралась баварская страсть к дракам» [18. С. 92]), либо получают логическое развитие (инфантильность, ксенофобия).

Художественная аналитика национал-социализма неотделима в «Успехе» от художественной аналитики Баварии и «баварскости». **Национал-социализм вырос на баварской почве, он представляет собой органическое порождение Баварии, ее наиболее уродливую «версию» из всех возможных** – это одна из ключевых идей в художественной концепции романа.

Обратимся к упомянутым выше ключевым конфликтам романа «Успех». Очевидно, что конфликт баварского и не-баварского полностью обусловлен спецификой баварской идентичности, а именно различиями в ценностной и регулятивной сферах вкупе с агрессией, проявляемой по отношению к «чужакам». Более того, конфликт «истинных германцев» с разумным миром также проистекает из особенностей баварской идентичности, которые в идеологии и практике «патриотов» находят свою утрированную, карикатурно заостренную реализацию.

Литература

1. Heusler A. Lion Feuchtwanger: Münchner – Emigrant – Weltbürger. Salzburg: Residenz Verlag, 2014. 403 S.
2. Hans J., Winckler L. Von der Selbstverständigung des Künstlers in Krisenzeiten. Lion Feuchtwangers „Wartesaal-Trilogie“ // Text + Kritik. 1983. Heft 79/80. S. 28–48.
3. Вендина О.И. Московская идентичность и идентичность москвичей // Известия РАН. Сер. географическая. 2012. № 5. С. 27–39.
4. Жаде З.А. Этническая идентичность в иерархии социальных идентичностей // Личностная идентичность: вызовы современности: материалы Всерос. психологической науч.-практ. конф. (с иностр. участием). Майкоп: Адыгейский гос. ун-т, 2014. С. 63–65.
5. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 344 с.

6. Шишигин А.В. Региональная идентичность жителей Перми в контексте плюрализма территориальных идентичностей // Россия в мире XXI века: между насилием и диалогом: материалы XVI Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2013. Т. 1. С. 623–627.

7. Шишигин А.В. Динамика изменений территориальных идентичностей жителей города Перми // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сер. 3. Гуманитарные и общественные науки. 2015. № 2. С. 78–85.

8. Hartmann P.C. Bayerns Weg in die Gegenwart: vom Stammesherzogtum zum Freistaat heute. Regensburg: Pustet, 1989. 666 S.

9. Казакова Г.М. Российская региональная идентичность: современный культурологический дискурс // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2008. № 6. С. 16–20.

10. Корепанов Г.С. Региональная идентичность как объект социологического исследования // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2009. № 1. С. 16–23.

11. Sternburg W. von. Lion Feuchtwanger. Die Biographie. Berlin: Aufbau Verlag, 2014. 543 S.

12. Hartmann M. von. „Erfolg“ – Lion Feuchtwangers Bayern. Ausstellung: Unterrichtsmaterialien. München: Stiftung Buch-, Medien- und Literaturhaus München, 2014. 39 S.

13. Dietschreit F. Lion Feuchtwanger. Stuttgart: J.B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1988. 211 S.

14. Modick K. L.F. als Produzent. Über die kuriosen, eigentümlichen, ja wunderlichen Methoden des Dr. Feuchtwanger // Text + Kritik. 1983. Heft 79/80. S. 5–18.

15. Поршинева А.С. Телесная образность в романе Лиона Фейхтвангера «Успех» // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2019. Т. 21, № 4 (193). С. 136–151.

16. Головнева Е.В. Региональная идентичность и идентичность региона // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2017. Т. 12, № 3 (167). С. 182–189.

17. Фейхтвангер Л. Избранные произведения: в 3 т. М.: ФИРМА АРТ, 1992. Т. 2: Успех, кн. 1–3. 488 с.

18. Фейхтвангер Л. Успех. Книги 4–5 // Фейхтвангер Л. Избранные произведения: в 3 т. М.: ФИРМА АРТ, 1992. Т. 3: Успех, кн. 4–5. Семья Опперман. С. 5–310.

19. Теория литературы: в 2 т. / Н.Д. Тмарченко, В.И. Тюпа, С.Н. Бройтман. М.: Академия, 2004. Т. 2: Бройтман С.Н. Историческая поэтика. 360 с.

20. Feuchtwanger L. Erfolg. Berlin: Aufbau Verlag, 2013. 878 S.

21. Фейхтвангер Л. Автобиографические заметки // Фейхтвангер Л. Автобиографические заметки; Еврей Зюсс; Гойя, или Тяжкий путь познания; Рассказы. М.: Пушкинская библиотека: АСТ, 2003. С. 23–33.

22. Коржановская Л.Г. Оппозиция «свой – чужой» и проблема самоидентификации личности // «Свое» и «чужое» в культуре: материалы XI Междунар. науч. конф. Петрозаводск: Петрозаводский гос. ун-т, 2017. С. 19–20.

23. Быховская И.М. Человеческая телесность как объект социокультурного анализа (история проблемы и методологические принципы ее анализа) // Труды ученых ГЦОЛИФКа: 75 лет: ежегодник. М., 1993. С. 58–68.

24. Поршнева А.С. Телесная образность в романе Лиона Фейхтвангера «Успех»: Йоханна Крайн и Пауль Гессрейтер // Мировая литература в контексте культуры. 2019. Вып. 8 (14). С. 69–78.

25. Фейхтвангер Л. Гойя, или Тяжкий путь познания. Тула: Приокское кн. изд-во, 1994. 528 с.

26. Виницкий И. Заговор чувств, или Русская история на «эмоциональном повороте» (обзор работ по истории эмоций) // Новое литературное обозрение. 2012. № 117. С. 441–460.

27. Федоров Ф.П. Романтический художественный мир: пространство и время. Рига: Зинатне, 1988. 456 с.

28. Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха: в 2 т. М.: Воениздат, 1991. Т. 1. 653 с.

29. Затонский Д.В. «Историческая комедия», или Романы Лиона Фейхтвангера // Затонский Д.В. Художественные ориентиры XX века. М.: Сов. писатель, 1988. С. 272–312.

30. Бугуева Н.А. Телесность человека как социокультурный феномен // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 16. С. 69–75.

31. Элиаде М. Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемость. СПб.: Алетейя, 1998. 250 с.

LION FEUCHTWANGER'S BAVARIA: PROVINCIAL IDENTITY IN *SUCCESS*

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2020, 13, pp. 141–172. DOI: 10.17223/24099554/13/9

Alice S. Porshneva, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: alice-porshneva@yandex.ru

Keywords: Lion Feuchtwanger, *Success*, Bavaria, Bavaria trauma, “Wahrhaft Deutschen”, provincial identity.

Lion Feuchtwanger worked on his *Success* from 1927 till 1930 on having left Munich, the capital of Bavaria, for Berlin. There were a lot of problems in the writer's relationships with Bavaria where he had lived for 41 years and it was necessary to express them in the literary form. *Success* is a traumatic narrative in which Bavaria trauma is worked through. The novel's various conflicts are generally based, firstly, on the opposition of Bavarians and non-Bavarians and, secondly, on the opposition of “Wahrhaft Deutschen” (these are Nazi) and the world of reason. In this article the author considers these conflicts in their connection with the Bavarian's identity. She analyzes the Bavarian identity in *Success* not as the national but as the provincial one

because the Bavarians do not stand against other nations, they stand against the central government. Provincial identity includes four components, namely, the cognitive, the axiological, the emotional and the regulative ones. The cognitive component of the Bavarian identity is made of geographical conceptualization and of the idea about Bavaria as an agricultural region. The axiological aspect includes some peculiarities of the novel's Bavarian characters. They all have such characteristics as conservatism and hostility towards progress, dislike of real art, aggressiveness towards "interlopers", value of a surplus body. Unified emotional standards govern the Bavarians' behavior, and the intensity of their emotional reactions is much higher than the non-Bavarians' one. While making decisions the Bavarians mostly rely on their emotions and not on their reason. The regulative component of the Bavarian identity includes many behavior practices. These are: the habit not to use reason regularly and actively, various physiological activities, eating a lot of food, propensity to violence. Almost all the aspects of the Bavarian identity exemplified in the novel's Bavarian characters are also important for the "Wahrhaft Deutschen" leaders and followers; this political movement is definitely related to the Bavarian identity, for it was Bavaria where it appeared and got grassroots support. The conflict of the Bavarian and the non-Bavarian worlds is surely related to the specific Bavarian identity, namely, to the differences in the axiological and regulative fields and aggressiveness towards "interlopers". Moreover, the conflict of "Wahrhaft Deutschen" and the other world is also caused by particularities of the Bavarian identity because their ideas and practices make up its grotesque version.

References

1. Heusler, A. (2014) *Lion Feuchtwanger: Münchner – Emigrant – Weltbürger*. Salzburg: Residenz Verlag, 403 S.
2. Hans, J. & Winckler, L. (1983) Von der Selbstverständigung des Künstlers in Krisenzeiten. Lion Feuchtwangers "Wartesaal-Trilogie". *Text + Kritik* 79/80. pp. 28–48.
3. Vendina, O.I. (2012) Moscow Identity and the Identity of Muscovites. *Izv. RAN. Ser. geograficheskaya*. 5. pp. 27–39. (In Russian). DOI: 10.15356/0373-2444-2012-5-27-39
4. Zhade, Z.A. (2014) [Ethnic Identity in the Hierarchy of Social Identities]. *Lichnostnaya identichnost': vyzovy sovremennosti* [Personal Identity: Challenges of the Present]. Proceedings of the International Conference on Psychology. Maykop: Adyge State University. pp. 63–65. (In Russian).
5. Erikson, E. (1996) *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity, Youth, and Crisis]. Moscow: Progress.
6. Shishigin, A.V. (2013) [Regional Identity of Perm Residents in the Context of the Pluralism of Territorial Identities]. *Rossiya v mire XXI veka: mezhdru nasiliem i dialogom* [Russia in the World of the 21st Century: Between Violence and Dialogue]. Proceedings of the 14th International Conference: In 2 Vols. Vol. 1. Yekaterinburg: University of the Humanities. pp. 623–627. (In Russian).

7. Shishigin, A.V. (2015) Dinamika izmeneniy territorial'nykh identichnostey zhitel'ey goroda Permi [Dynamics of Changes in Territorial Identities of Perm Residents]. *Vestn. Permskogo gos. humanitarno-pedagogicheskogo un-ta. Ser. 3. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. 2. pp. 78–85.
8. Hartmann, P.C. (1989) *Bayerns Weg in die Gegenwart: vom Stammesherzogtum zum Freistaat heute*. Regensburg: Pustet.
9. Kazakova, G.M. (2008) Rossiyskaya regional'naya identichnost': sovremennyy kul'turologicheskiy diskurs [Russian Regional Identity: A Modern Cultural Discourse]. *Vestn. Mosk. gos. un-ta kul'tury i iskusstv*. 6. pp. 16–20.
10. Korepanov, G.S. (2009) Regional'naya identichnost' kak ob"ekt sotsiologicheskogo issledovaniya [Regional Identity as an Object of Sociological Research]. *Sotsiologiya v sovremennoy mire: nauka, obrazovanie, tvorchesvo*. 1. pp. 16–23.
11. Sternburg, W. Von. (2014) *Lion Feuchtwanger. Die Biographie*. Berlin: Aufbau Verlag, 543 S.
12. Hartmann, M. Von. (2014) "Erfolg" – Lion Feuchtwangers Bayern. Ausstellung: Unterrichtsmaterialien. München: Stiftung Buch-, Medien- und Literaturhaus München.
13. Dietschreit, F. (1988) *Lion Feuchtwanger*. Stuttgart: J.B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung.
14. Modick, K. (1983) L.F. als Produzent. Über die kuriosen, eigentümlichen, ja wunderlichen Methoden des Dr. Feuchtwanger. *Text + Kritik*. 79/80. pp. 5–18.
15. Porshneva, A.S. (2019) Body Images in Lion Feuchtwanger's Success. *Izv. Ural. federal. un-ta. Ser. 2. Gumanitarnye nauki – Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Art*. 21:4 (193). pp. 136–151. (In Russian). DOI: 10.15826/izv2.2019.21.4.072
16. Golovneva, E.V. (2017) Regional Identity and Identity of a Region. *Izv. Ural. federal. un-ta. Ser. 3. Obshchestvennye nauki – Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 3. Social and Political Sciences*. 12:3 (167). pp. 182–189. (In Russian).
17. Feuchtwanger, L. (1992) *Izbrannye proizvedeniya: v 3 t.* [Selected Works: In 3 Vols]. Translated from German. Vol. 2. Books 1–3. Moscow: FIRMA ART.
18. Feuchtwanger, L. (1992) *Izbrannye proizvedeniya: v 3 t.* [Selected Works: In 3 Vols]. Vol. 3. Books 4–5. Moscow: FIRMA ART. pp. 5–310.
19. Tamarchenko, N.D., Tyupa, V.I. & Broymann, S.N. (2004) *Teoriya literatury: v 2 t.* [Theory of Literature: In 2 Volumes]. Vol. 2. Moscow: Akademiya.
20. Feuchtwanger, L. (2013) *Erfolg*. Berlin: Aufbau Verlag.
21. Feykhtvanger, L. (2003) *Avtobiograficheskie zametki; Evrey Zyuss; Goyya, ili Tyazhkiy put' poznaniya; Rasskazy* [Autobiographical Notes; Jew Suess; Goya, or the Hard Way of Knowledge]. Translated from German. Moscow: Pushkinskaya biblioteka: AST. pp. 23–33.
22. Korzhanovskaya, L.G. (2017) ["Us–Them" Opposition and the Problem of a Person's Self-Identification]. "Svoe" i "chuzhoe" v kul'ture ["Us" and "Them" in Culture]. Proceedings of the XI International Conference. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University. pp. 19–20. (In Russian).

23. Bykhovskaya, I.M. (1993) Chelovecheskaya telesnost' kak ob"ekt sotsiokul'turnogo analiza (istoriya problemy i metodologicheskie printsipy ee analiza) [Human Corporeality as an Object of Sociocultural Analysis (The History of the Problem and the Methodological Principles of Its Analysis)]. In: *Trudy uchenykh GTsOLIFKa: 75 let: ezhegodnik* [Works of GTsOLIFK Researchers: 75 Years: Yearbook]. Moscow: GTsOLIFK. pp. 58–68.

24. Porshneva, A.S. (2019) Body Images in Lion Feuchtwanger's – Success: Johanna Krain and Paul Hessreiter. *Mirovaya literatura v kontekste kul'tury – World Literature in the Context of Culture*. 8 (14). pp. 69–78. (In Russian).

25. Feuchtwanger, L. (1994) *Goyya, ili Tyazhkiy put' poznaniya* [Goya, or the Hard Way of Knowledge]. Translated from German. Tula: Priok. kn. izd-vo.

26. Vinit'skiy, I. (2012) Zagovor chuvstv, ili Russkaya istoriya na "emotsional'nom povorote" (Obzor rabot po istorii emotsiy) [Conspiracy of Feelings, or Russian History on an "Emotional Turn" (Review of Works on the History of Emotions)]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 117. pp. 441–460.

27. Fedorov, F.P. (1988) *Romanticheskiy khudozhestvennyy mir: prostranstvo i vremya* [Romantic Artistic World: Space and Time]. Riga: Zinatne.

28. Shirer, W. (1991) *Vzlet i padenie Tret'ego reykha: v 2 t.* [The Rise and Fall of the Third Reich: In 2 Vols]. Translated from English. Vol. 1. Moscow: Voenizdat.

29. Zatonskiy, D.V. (1988) "Istoricheskaya komediya", ili Romany Liona Feuchtwangera ["Historical Comedy", or Novels by Lyon Feuchtwanger]. In: Zatonskiy D.V. *Khudozhestvennye orientiry XX veka* [Artistic Landmarks of the Twentieth Century]. Moscow: Sovetskiy pisatel'. pp. 272–312.

30. Bugueva, N.A. (2007) Telesnost' cheloveka kak sotsiokul'turnyy fenomen [Human Corporeality as a Sociocultural Phenomenon]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*. 16. pp. 69–75.

31. Eliade, M. (1998) *Mifo vechnom vozvrashchenii. Arkhetipy i povtoryaemost'* [Myth of Eternal Return. Archetypes and Repeatability]. St. Petersburg: Aleteyya.